

СИСТЕМА НАСЛЕДОВАНИЯ ВЕРХОВОЙ ВЛАСТИ У ВАНДАЛОВ

Вандалы, одно из сильнейших племен периода Великого переселения народов, продвинулись из Скандинавии к Балтийскому морю, верхнему Одеру, затем, недолго задержавшись в Паннонии, перешли в Испанию и, наконец, в 429 г. укрепились в северной Африке. До знаменитого завещания Гензериха (426-477) наследование верховной власти происходило вполне привычно, в частности, после Годигискла, отца Гензериха, вандалов возглавлял его сын Гонтарис (406-428), хотя после смерти Годигискла он был еще молод и фактической властью обладал побочный сын Годигискла Гензерих [1]. Смерть Гонтариса не вполне естественна (возможно, его убил Гензерих), тем не менее ничего необычного в овладении верховной властью Гензерихом нет. После довольно продолжительного правления Гензерих перед смертью составил завещание, «в котором давал вандалам много разных советов, и, в частности, чтобы верховную власть над вандалами имел тот, кто, происходя из рода самого Гизериха по мужской линии, окажется самым старшим по возрасту из всех его родственников» [2]. Описанный порядок впервые регламентировался письменным документом и довольно последовательно выполнялся. Нарушение «завещания Гензериха» произошло только в конце существования Вандальского королевства, когда Гелимер, двоюродный племянник Ильдериха, отстранил последнего от власти [3].

Столь довольно строгий порядок наследования контрастно выглядит на фоне преемственности власти у римских и византийских императоров. Любопытно, что Прокопий Кесарийский с уважением относится к вандалам, выступающим главным соперником Византии, поскольку те имели строгую систему преемственности в наследовании верховной власти. В уста императора Юстиниана Прокопий вкладывает слова, которыми тот советует узурпатору Гелимеру погодить срок и овладеть властью по праву.

Откуда же у германского племени вандалов возникла столь необычная система наследования?

У вандалов к последней четверти V в. н.э. сложилась довольно стойкая политическая общность, в основу которой были положены традиции римского права. Важно отметить, что в Северной Африке вандалы находились в окружении враждебных племен ливийцев-маврусиев, которые в основном и составили угнетенный слой населения Вандальского королевства. Прокопий Кесарийский по этому поводу пишет: «У прочих ливийцев он (Гензерих – С.Т.) отнял их имена, очень большие и хорошие, и распределил их между племенем вандалов, ... со всех

тех земель, которые он передал своим детям и другим вандалам, Гизерих приказал не брать никаких налогов. Ту же землю, которую он считал не слишком хорошей, он оставил прежним ее владельцам, приказав вносить с нее в пользу государства такие налоги, что самим собственникам земли ничего не оставалось» [4].

Таким образом, налицо хищническое государство, которое поставило на более низкую ступень местное население, а в лице самих вандалов выдвинуло правящий слой. Понятно, что в таких условиях была необходима сильная централизованная (вернее, персонифицированная в одном лице) власть, дробление которой в условиях враждебности местного населения было губительно. Нечто подобное мы наблюдаем и в Древней Руси, от первоначального ядра которой время от времени отпадали различные союзы племен (древляне, радимичи), как маврусии от Вандальского королевства. Поэтому решением проблемы у вандалов и явилась система, при которой верховная власть доставалась старшему из членов королевского дома независимо от степени его родства с предшественником.

Но объяснение причин и почвы для возникновения необычного порядка наследования вовсе не дает ответ на вопрос о происхождении этого института. Его необходимо искать в архаических, родовых представлениях относительно собственности, права на нее, принципа ее наследования и в связи с этим – верховной власти, бытовавших в племенных общностях до их выхода на историческую арену. Ф. Энгельс в предисловии к своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал: «Чем меньше развит труд, тем более ограничено количество его продуктов, а следовательно, и богатство общества, тем сильнее проявляется зависимость общественного строя от родовых связей» [5]. Но даже и когда общество переходит к более высокой степени организации, построению основ государственности, оно не может образовать институты политической власти иначе, как в рамках существовавших родовых представлений. Другое дело, что эти родовые пережитки могут очень быстро исчезнуть в связи с влиянием соседних, более развитых народов, выработавших более универсальные и эффективные институты политической власти. Но так или иначе, родовые пережитки в политической сфере мы находим во вновь возникающих, формирующихся государствах (раннефеодальных государствах или государствах «эпохи полудья») в различных регионах мира: в Западной Европе (т.н. *congrus fratrum* у франков), в Восточной Европе («клевичное восхождение» после смерти Ярослава Мудрого), в Восточной Азии (в тюркском каганате, в государстве Караханидов) и, наконец, в Африке (в государстве Конго XV–XVII вв. и в королевстве Лоанго).

Внешним проявлением родовых пережитков в политической сфере в названных регионах являлась передача власти старшему физически или генеалогически, естественно, из правящей семьи. Как в Древней Руси, так и во Франкском королевстве (как, вероятно, и в других регионах) право на приобретение верхов-

ной власти представитель правящего рода получал по рождению, ему оставалось лишь пережить своих старших родственников. Эти же принципы мы находим и в Вандальском королевстве.

«Право наследования, – писал известный русский историк-юрист М.Ф. Владимирский-Буданов, – возникает не из искусственного измышления, а коренится в совладении лиц, живущих в одном доме с наследователем, разделявших вместе труды приобретения имущества и право пользования им» [6]. В русской историографии очень давно господствовала точка зрения, что характер общинного уклада общественного быта совпадает с порядком наследования верховной власти. Однако это мнение было подвергнуто справедливой критике, когда обнаружилось, что родовые отношения вовсе не были характерны в обществе на момент, когда в отношениях между представителями правящего рода господствовал родовой принцип. Но элементы родовых отношений могли сохраниться в политической сфере жизни общества как пережиток, остаток предшествующей эпохи.

В сеньорате, проявившемся в наследовании верховной власти в Вандальском королевстве, как раз видится сохранение родовых пережитков. Своеобразная ситуация, в которой находились вандалы, как господствующий этнос среди враждебных поработанных племен, с необходимостью вызывал проявление отмеченного принципа наследования, непременно ставившего во главе королевства старшего, а значит, наиболее опытного человека.

Сравнивая системы преемства власти в Древней Руси и в Вандальском королевстве, необходимо отметить, во-первых, их принципиальное отличие (в первом – лестница, во втором – сеньорат) в системе наследования, во-вторых, в исторических условиях и условиях социально-экономического развития государств (в первом – т.н. бессинтезный путь развития феодализма, во втором – развитие на римской основе и в условиях уживания двух этносов). Тем не менее некоторые аналогии напрашиваются.

Литература

1. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М., 1993. – С.182, 184.
2. Там же. – С.185, 196.
3. Там же. – С.200–201.
4. Там же. – С.190.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: В 3 т. – М., 1985. – Т. 3. – С.212.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону, 1995. – С.481.